

Комментарии о Государстве и Бизнесе

Стратегия инновационного развития России на период до 2020 года – велики ли шансы на успех?

Первым крупным стратегическим ходом Правительства России в наступившем предвыборном году станет обсуждение проекта новой инновационной стратегии России – «Инновационная Россия-2020» (Далее Стратегия), которая в январе должна проходить согласование в ведомствах. В отличие от инновационных программ, написанных в период предкризисного нефтяного бума, новый документ отличается большей критичностью в оценке тенденций развития российской экономики. В частности констатирован факт, что из запланированных в прежней Стратегии развития науки и инноваций России до 2015 г. целей на первых двух этапах – в 2006–2010 гг. – выполнено лишь чуть более трети намеченного, что реальные дела идут даже хуже, чем в инерционном сценарии и что ряд ключевых параметров инновационного развития ухудшается. При этом в ходе мирового кризиса отставание России от других стран углубилось в силу того, что на фоне заочки значительных дополнительных средств в инновационное развитие целым рядом стран, которые в борьбе с кризисом расчищали путь для новых производств, в России, где господствовало стремление сохранить статус-кво, расчистки завалов не произошло.

Между тем, полностью от прежнего идеализма Стратегия, на наш взгляд, не избавилась. В частности, уже в первом абзаце документа заявлено, что перевод экономики на инновационную социально-ориентированную модель развития является **единственно возможным способом** роста благосостояния населения и укрепления геополитического статуса страны. Конечно, инновационный бизнес, в конечном счете ориентированный на создание инновационной ренты, интуитивно приемлем для россиян, привыкших к рентной экономике. Однако из экономической истории известно, что целенаправленные попытки государств создать инновационную экономику оканчивались успехом далеко не всегда – шансы фактически составляют 50/50 и, следовательно, в запасе должны быть запасные (помимо инновационного) варианты стимулирования неизбежно замедляющегося на фоне стабилизации нефтяных цен экономического роста в России – например, форсированное развитие транзитного потенциала, региональной интеграции (разработка программы вхождения в ЕС) или что-то еще.

Финансовые параметры стратегии «Инновационная Россия-2020» (общее финансирование), % ВВП

Направление	2010	2012	2020
Внутренние затраты на исследования и разработки	1,32 (оценка)	1,4-1,6	2,4
Государственные расходы на исследования и разработки гражданского назначения	0,88 (оценка)	0,9	1,1
Внутренние затраты на образование	4,8*	5,5-5,7	6,5-7,0
Государственные расходы на образование	4,0*		5,5-6

*по данным за 2008 г.

Источник: «Инновационная Россия-2020» (проект).

Еще одной методологической уязвимостью Стратегии является тот факт, что уйдя от использования устаревшей методологии долгосрочного планирования к многовариантному и вероятностному стратегическому управлению и выделяя три сценария инновационного развития России – инерционный (с упором на импорт технологий), догоняющего развития и смешанный, авторы Стратегии абстрагировались от самых новых наработок управленческой мысли, связанных с дополнением стратегического управления блоком, описывающим методы стратегического управления на основе гибких экстренных решений.

Необходимость последнего связана с реальностью формирования в ближайшие годы неожиданных новых возможностей и угроз со стороны внешней среды, которые предположительно могут проявиться в гораздо более короткие, чем период планирования, сроки. Отсюда, на наш взгляд, вытекает необходимость своего рода «опционизации» любой долгосрочной стратегии и т.н. «управления по слабым сигналам», то есть, например, опора не только на нанотехнологии, но и на параллельную своего рода «покупку реальных опционов» в других перспективных сферах инновационного прорыва (в частности создание заделов в био- и информационных технологиях).

Нельзя не отметить и спорную ранжировку значимости основных задач Стратегии, а также их неполноту. Так, выдвигание на первый план задачи формирования инновационного человека по сравнению с задачей формирования инновационного бизнеса и государства, недоучитывает факт резкого нарастания дефицита квалифицированных инженерно-технических кадров в ближайшие годы в развитых странах, который они намерены компенсировать стимулированием притока такого рода человеческого капитала из развивающихся стран (прежде всего, Китая, но и России)⁶. В этих условиях форсированное наращивание подготовки квалифицированных кадров внутри страны, не синхронизированное с ростом инновационной активности бизнеса (что в свою очередь невозможно без резкого улучшения инвестиционного климата и дебюрократизации), приведет лишь к новой волне оттока из России «человеческого капитала» за рубеж.

Кроме того, авторы концепции далеки от современного прагматичного и объемного понимания инноваций как экономического явления – нового не в абсолютном смысле этого слова, а лишь для данной страны. То есть они (авторы) готовы закидать весь мир несуществующими российскими инновациями, которые почему-то должны появиться в

Сравнение некоторых показателей Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации до 2015 года с фактическими показателями

	2005 (план) (факт)	2006 (план) (факт)	2007 (план) (факт)	2009 (план) (факт)	2010 (план) (оценка)
Внутренние затраты на исследование и разработки в % к ВВП					
инерционная динамика	1,36	1,49	1,54	1,6	1,63
с учетом реализации Стратегии	1,36	1,51	1,62	1,91	2
	1,07	1,07	1,12	1,24	1,32
Удельный вес России в общем числе публикаций в ведущих научных журналах мира (%)					
инерционная динамика	2,9	3	3,2	3,5	3,6
с учетом реализации Стратегии	2,9	3,1	3,2	3,5	4
	2,7	2,4	2,5	2,5	2,5
Прирост числа малых инновационных предприятий (единиц/в год)					
инерционная динамика	60	62	65	70	75
с учетом реализации Стратегии	60	65	70	80	85
	82	37	40	-43	-20
Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в общем их числе (%)					
инерционная динамика	11,5	11,7	12,5	13,5	14
с учетом реализации Стратегии (с 2007г. - ОКВЭД)	11,5	12	13	14	15
	9,3	9,4	9,4	9,4	9,5

Источник: «Инновационная Россия-2020» (проект).

⁶ The New Geography of Global Innovation, Global Markets Institute, Goldman Sachs, September 20, 2010.

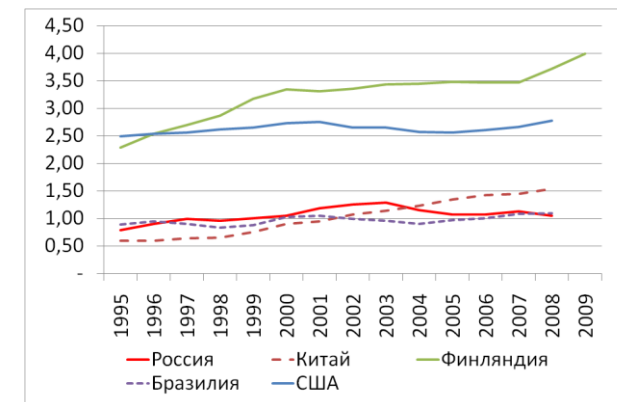
огромном количестве, но не готовы всерьез обсуждать традиционные догоняющие инновации, проистекающие из сектора науки и разработок (НИОКР), и т.н. «квазиинновации»⁷. В целом ряде стран толчок инновационному процессу дало именно стимулирование создания новых для страны отраслей или их переделов (например, текстильной промышленности – в Тунисе, автомобильной – в Румынии, выращивания цветов – в Кении, производства компьютерных компонентов – во Вьетнаме, экотуризма – в Коста-Рике).

Двумя другими проигнорированными авторами Стратегии направлениями современных программ инновационного развития стали действия, направленные на привлечение в страну т.н. «креативного класса» и малого и среднего бизнеса (МСБ). Такого рода шаги, видимо, не менее важны для перехода на инновационный путь развития, чем НИОКР, инновационная инфраструктура и «spin-off» эффект от роста активности университетов.

По оценке экспертов Всемирного Банка⁸, в мире сейчас насчитывается около 150 млн. человек в составе т.н. «креативного класса», из которых треть сосредоточена в США и которые являются, как правило, не обладателями PhD, а более приземленными обладателями качественных дипломов MBA, а также зачастую совсем бездипломными представителями новой сферы услуг и искусства (в том числе абсолютно новых его направлений). Для их привлечения извне есть смысл подумать – по примеру Дубая – о создании специальных благоустроенных зон, а для генерации внутри страны – о росте креативной составляющей в системе среднего образования. Впрочем, последнему в проекте Стратегии определенное внимание, к счастью, уделено.

Что касается развития малого и среднего бизнеса, то необходимо понимать важность его экспансии прежде всего в форме ПИИ, чему уделяется большое внимание за рубежом и для чего необходимы инвестиции, поддержка стартапов, снижение транзакционных издержек, развитая инфраструктура и логистика, политическая воля и дееспособная вертикаль власти. О том, что быстрое развитие МСБ возможно даже при выполнении части этих условий, говорит пример Беларуси и Грузии, которые за короткий период поднялись на несколько десятков мест в международных рейтингах легкости открытия нового бизнеса⁹.

Суммарные затраты на исследования и разработки, % ВВП

Источник: стат. база IMD (ноябрь 2010).

⁷ Мы согласны, что высока вероятность того, что такого рода квазиинновации (термин Д. Родрика из Гарвардского университета) органически перерождаются в реальные инновации.

⁸ Richards J-F, The Three Strands of Innovation/ WBI, Development Outreach, v.20, #1, July 2010, p.11.

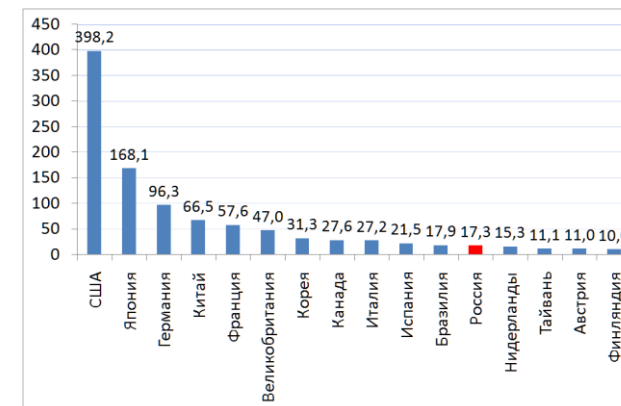
⁹ М. Дмитриев, А. Юртаев. Стратегия 2010 – итоги реализации 10 лет спустя (http://www.iet.ru/files/text/policy/2010_3/dmitriev.pdf).

Авторы Стратегии справедливо указывают как на весьма высокий уровень развития целого ряда элементов инновационной инфраструктуры и ресурсного обеспечения в России¹⁰, так и на отсутствие мотивов к инвестиционному поведению всех субъектов экономики и действенной кооперации их с сектором исследований и разработок. При этом авторы Стратегии, несмотря на понимание вынужденного в условиях сильнейшей степени неопределенности прав собственности сдержанного отношения российского населения и бизнеса к инновациям, призывают к совершенствованию т.н. «национальной инновационной системы (НИС)», главную роль в которой, по традиционному определению этого термина, играет не государство, не наука, а фирма, то есть малый, средний и крупный бизнес, который сейчас «придавлен» национальным бюрократическим классом и, в силу этого, вряд ли может взять на себя роль инновационного лидера.

При этом в экспертной среде сейчас выдвигается гипотеза о формировании в ближайшие десятилетия новых моделей инновационного развития, которые отличаются как от модели национальной инновационной системы (НИС)¹¹, где главным двигателем являлись фирмы, так и от модели «треугольника» Г. Сабато, которая исходила из превалирования государства, как это было в Японии¹².

Одна из наиболее проработанных новых моделей развития мирового инновационного процесса получила название концепции «тройной спирали». Она «основана, с одной стороны, на тезисе о доминирующем положении институтов, ответственных за создание нового знания, а с другой стороны, о важности сетевого характера взаимодействия участников инновационного процесса в рамках т.н. «стратегических инновационных сетей», где происходит своего рода пересечение трех множеств отношений (внутрифирменных, внутри-государственных и внутри-университетских) и создание гибридных институциональных форм, снижающих неопределенность»¹³. Структурный характер

Рейтинг стран по объему суммарных затрат на исследования и разработки, млрд. долл., 2008г.

Источник: стат. база IMD (ноябрь 2010).

¹⁰ Например, один из самых высоких в мире охват населения высшим образованием, высокий уровень развития естественно-научного и инженерно-технического образования, быстрый рост затрат на одного исследователя.

¹¹ См.: Lindvall B. A National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. London: Printer Publishers, 1992; National Innovation Systems: A Comparative Analysis/ R.Nelson (ed.). Oxford Univ. Press, 1993.

¹² См.: Sabato J. Technology and the Productive Structure. Instituto Latinoamericano de Estudios Transnacionales, 1979.

¹³ См. например: Дежина И., Киселева В. «Тройная спираль в инновационной системе России». Вопросы экономики, 2007, №12, с. 123-135.

нынешнего экономического кризиса делает необходимым развитие инновационной инфраструктуры и инновационных сетей, даже несмотря на временный отказ от наращивания инвестиций в традиционную инфраструктуру как антикризисную меру. Думается, что такая модель имеет сильные исторические основания для произрастания в России, где роль лидеров в новой инновационной системе могут взять на себя российские университеты, так как отношения между двумя другими потенциальными лидерами в сфере инноваций – государством и бизнесом – на время дестабилизированы двумя десятилетиями трудного взаимодействия – если в 1990-е годы роль государства была чрезмерно «минимизирована», то в 2000-е годы – маятник, наоборот, чрезмерно сильно качнулся в сторону тотальной бюрократизации и огосударствления.

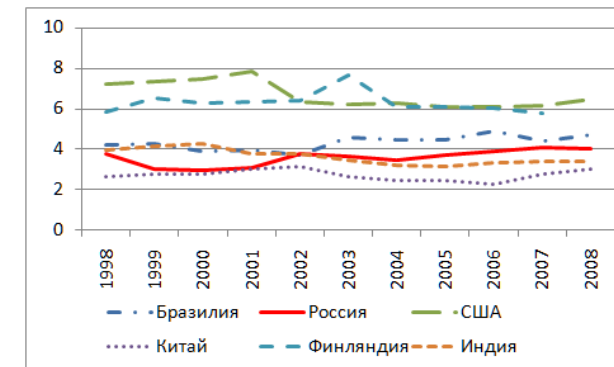
Говоря о роли корпораций в будущем мировом инновационном процессе и в национальных инновационных сетях, важно отметить, что исследования ЮНКТАД о воздействии новых технологий и инноваций на уровне отдельных фирм обнаруживают, как правило, их положительное воздействие на эффективность, результаты работы и увеличение доли на рынке, однако наиболее сильно оно проявляется в том случае, если дополняется другими изменениями в управлении фирмой – организационной перестройкой, ростом квалификации работников и менеджмента. Кроме того, как показывает мировой опыт, макроэкономическая отдача от развития науки и инноваций связана не только с развитием технологий как таковых, но и с активизацией процесса технологической рекомбинации и изменений как таковых. Таким образом, только демонаполизация и стимулирование конкуренции, с одной стороны, и целенаправленные вложения в образовательные программы на уровне корпораций с другой стороны, создадут фирмы-инноваторы. Но такой логический акцент в Стратегии не прослеживается.

Роль государства в инновационных сетях также крайне важна, хотя в новых концепциях оно не занимает доминирующей позиции.

Во-первых, государство должно контролировать процесс диффузии инноваций и создавать при необходимости условия для набора ими критической массы¹⁴.

¹⁴ Это связано с тем, что хотя исследования международных организаций показали позитивный вклад инноваций в рост ВВП даже в развивающихся странах, однако в то же время они зафиксировали, что наибольшую выгоду от новых технологий, по-видимому, получают страны, которые достигли определенного «порогового» уровня внедрения новых инноваций (См., например: UNCTAD, Information Economy Report, 2006-2007).

Суммарные затраты на образование, % ВВП

Источник: стат. база IMD (ноябрь 2010).

Во-вторых, высокие фиксированные издержки и риски при развитии инновационной активности становятся важным барьером для российских фирм, выходящих на новые для них рынки обрабатывающей промышленности. Это повышает важность развития частно-государственного партнерства в этой сфере.

В-третьих, говоря о новой роли государства в инновационном процессе, важно иметь в виду, что использование результатов науки и инноваций в экономической деятельности – это, как правило, не результат политики на уровне фирмы или уполномоченных государственных структур, а результат совместно выработанной средне- и долгосрочной стратегии. Это связано с тем, что современный рынок знаний и инноваций все большим количеством специалистов характеризуется как несовершенный, т.е. как рынок, где частная и общественная отдача от инвестиций может сильно отличаться. В силу этого необходима правильная государственная политика, направленная на предотвращение недоинвестирования в знания и состоящая в создании побудительных мотивов для экономических субъектов всех форм собственности к созданию знаний и инноваций¹⁵. Как вариант, возможно и «принуждение к инновациям», но не путем административного давления, а на основе введения новых жестких стандартов к качеству продукции¹⁶.

В-четвертых, при разработке национальной стратегии развития инноваций в будущей экономике важно осознавать, что, как показывает анализ мирового опыта, инновационные структуры имеют четко выраженную страновую, отраслевую и секторальную специфику, и страны даже с близким уровнем социально-экономического развития не могут заимствовать успешные примеры научной и инновационной стратегии друг у друга, ориентируясь на конечный результат. В каждом отдельном случае необходим осмысленный выбор специфического для каждой страны сочетания из набора возможных политик и мер. Обсуждаемая Стратегия с этой точки зрения нуждается в серьезном переформатировании при сохранении созданных в ней солидных заделов.

Для России при разработке стратегии развития инноваций целесообразно обеспечить сочетание ее базовых (в значительной степени ресурсно-сырьевых) и новых конкурентных преимуществ. Именно это, а не заявленный в Стратегии довольно абстрактно выглядящий упор на сочетание догоняющего и инновационного развития,

¹⁵ См., в частности: United Nations University –INTECH, Technology Policy Briefs, Vol.4, Issue 1, 2005, Measuring Innovation: Making Innovation Surveys work for Developing Countries

¹⁶ См.: «Принуждение к инновациям: стратегия для России», коллективная монография, под ред. В.Л. Иноземцева, М., 2009.

может претендовать на роль ее девиза. Нужно учитывать, что нефтегазодобывающие страны, т.е. прямые конкуренты России, в условиях роста капиталоемкости нефте- и газодобычи придают инновациям крайне важное значение. При этом они считают эту отрасль неотъемлемой частью информационной экономики. Российский бизнес и правительство должны учитывать и это, и имеющиеся в России заделы в других сферах деятельности¹⁷, что может являться важным преимуществом российской экономики перед экономиками других стран-экспортеров нефти.

Важно учесть также, что с учетом мирового опыта для перехода на инновационный путь развития требуется не менее 10 лет¹⁸. Поэтому имеет смысл придать новой инновационной Стратегии более длинный временной горизонт – до 2030 года. Иначе ее могут в 2020 г., то есть слишком рано, объявить исполненной и вообще прекратить обращать внимание на эту проблему. Кроме того, в качестве индикаторов достижения поставленных целей, возможно, имеет смысл использовать усредненную динамику положения России в международно-признанных рейтингах инновационной конкурентоспособности (этому посвящены разделы сводных рейтингов конкурентоспособности Всемирного экономического форума (WEF), Женевского института менеджмента (IMD) и другие) в увязке с собственными рейтингами, как это сделано в Казахстане при оценке достижений в выполнении стратегии «Казахстан-2030», принятой еще в 1997 г.

Валерий Миронов

¹⁷ Они перечислены в Стратегии, хотя их перечень почему-то закрыт, как будто авторы, да и вообще кто бы то ни был, в состоянии точно предвидеть развитие научно-технического прогресса.

¹⁸ Albert J-E, Innovation Policy for the Developing World: Success stories and promising approach/ WBI, Development Outreach, v.20, #1, July 2010, p.9.